

ЭММА РОСА

**НЕ ПОЗВОЛЯЙ
СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА**

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

12+

Эмма Роса

Не позволяй смотреть в глаза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67715120

SelfPub; 2022

Аннотация

В голове, как и в жизни Андрея царит чистота и порядок. Его быт, здоровье и финансы защищены новейшим браслетом с индивидуальным биочипом, профессиональный послужной список обеспечивает надежное место в государственной машине. Однако все оказывается иллюзией, когда протокол одной из рабочих инспекций дает сбой.

Содержание

Эмма Роса

Не позволяй смотреть в глаза

– Кто бы что ни говорил, а правильно сделали, что завернули губу трансгумманистам. Нет, их подход, конечно, разумный. Ещё бы! Вспомни Георга! – Степаныч поставил спортивную сумку на лавку и расстегнул молнию. – Две недели тогда без сна, в полной боевой готовности. И заметь, ИБЧ¹ только-только появились, и резерв у них был курам на смех – энергетик да набор витаминов. Но самое страшное знаешь что? Неизвестность. Чего ждать от этого киборга? Нет, все, конечно, понимали, что он – ого-го! Но насколько... И хорошо, что обошлось без нас! Хорошо! Если бы ему башку тогда по-быстрому не свернули, не имели бы мы с тобой сейчас удовольствия от этой встречи!

Степаныч аккуратно сложил в металлическую кабинку спортивный костюм, тенниску, исподнее. Андрей раздевался молча. Как дошло до ичебика, взялся за мягкий ремешок и замер. Одно дело – остаться без ИБЧ дома, хотя и дома он снимал его в исключительных случаях, и совсем другое – здесь. Он так давно не парился в бане, что даже не помнил – каково это. А вдруг сердце прихватит или давление, успеет

¹ ИБЧ, (иче́бик) – Идентификационный биочип

ли надеть? Впрочем, это уже паранойя, – он подавил подступившую панику.

– Ты чего? – увидел его сомнения отставной сержант – в одной руке веник, а на голове чёрт-те какая разущастая нахлобучка. – А-а! Да брось! Датчики тебя фиксируют так же, как дома, – он обвёл помещение бани веником, – объясняться не придётся.

Хорошо ему говорить – каждые выходные сюда ходит.

Степаныч бодро открыл низкую дверь парной и нырнул внутрь.

Андрей вздохнул, быстро снял браслет, закрыл кабинку и зашёл следом. Он с самого начала знал, что это рискованная затея, но как-то вдруг захотелось острых ощущений.

– Может, убавить? Хотя, и так немного зарядил, – озабоченно сказал Степаныч, глядя, как Андрей пучит глаза и разевает рот с непривычки.

– А сколько здесь?

– Да сотня всего лишь.

– Сто градусов?

– Ну.

– Цельсия?

– Хех! Хохмишь? Это хорошо. Так убавить?

Андрей помотал головой:

– Оставь.

– Несмотря на очевидные преимущества гибрида человека и машины, – Степаныч продолжил прерванную мысль,

растирая широкие плечи и круглый упругий живот щёткой, – есть в этом такое, отчего душа не на месте. Нездоровое. Противоестественное. И главное не понятно – зачем? Какого чёрта умные головы ломают мозги и копыя?

– Бессмертие, – вставил Андрей, тяжело дыша жаром.

Обильные капли пота противно ползли по бокам, сердце отчаянно билось, раскалённое тело зудело.

– Мы и так до него доберёмся, но только эволюционным путём, без риска быть порванными взбесившимся хомо-роботом.

– Это ты ИБЧ называешь эволюцией?

– Почему нет? Были времена, когда вопрос «Ты собираешься жить вечно?» задавался с иронией или сарказмом. Никто всерьёз такую возможность не воспринимал. А сейчас я планирую дожить до ста двадцати, а может, и дольше. Если, конечно, трансгумманисты не придут к власти. То есть, двадцать пять – тридцать лет здоровой и счастливой старости. Ещё полтора века назад в девяносто три я был бы уже глубоким стариком. А сейчас – тебе фору дам, хоть ты и моложе. А ичебик. Ну что ичебик? Это просто способ доставить молодость в организм. Не он, так что-то другое.

Степаныч кинул ему щётку. Андрей растёр руки и ноги, шумно выдохнул от удовольствия. В глазах поплыло.

– Тут дело в закалке. На первый раз тебе, пожалуй, хватит.

– И на последний тоже, – выдохнул Андрей, и, шатаясь, вышел в предбанник.

– Ичебик только не надевай! – крикнул вдогонку Степаныч, перехватив неосознанный порыв к браслету.

Андрей растянулся на кушетке и прислушался к ощущениям. Сердце замедляло бешеный ход, по телу разливалась истома. Подумал, что, может, зря исключил баню из распорядка? Медики-модификаторы, настраивая ичебик, не советовали, стращали высокой нагрузкой на сердце. Однако, Степаныч всю жизнь парится веником, и ничего – вон какой здоровый. Пожалуй, и ему стоит рискнуть.

– Наверняка ещё не всех нелегалов позакрывали. Затаились по подвалам, мастерят Георгов по-тихому, – Степаныч парил несильно, жалел. Но жарило так, что, казалось, раскалились кости.

– Да всех уже, – стиснув зубы, отвечал Андрей. – Последние лет семь-восемь ни одного серьёзного нарушения. После того случая – да, помотался с инспекциями по городам и весям. Нормативку каждый день новую принимали. В Самаре, помню, выписал штраф за применение израильского транквилизатора, которого нет в списке здравоохранения. До Казани доехал, а за это уже лишение лицензии. Сейчас – уже так, по мелочи.

– Всё равно где-то ныкаются. Научились прятаться. Хотя это и сложно.

– Сложно? – Андрей усмехнулся. – Это практически невозможно.оборот медпрепаратов и оборудования под

присмотром спецслужб – канюля не просочится. Тебе ли не знать. Ичебик – это не просто, как ты говоришь, «способ доставить молодость в организм». Через него отслеживаются жизненные показатели всех носителей ичебиков, – всех вообще! И симптоматика. В случае расхождения индивидуальных препаратов с ожидаемыми маркерами, нейросеть сама собирает данные не только о пациенте, но и о его докторе, и о медучреждении. Каждый шаг известен: где был, когда вспотел, соврал, а когда совесть замучила. Всех потенциально опасных давно лишили права использования ИБЧ. А это, сам понимаешь ... Пустошь.

Он попробовал представить, каково это – жить без браслета. Не час-два, не ночь, а вообще. Как они живут там, в Пустоши – без электричества, без денег?

– Да уж. Никаких тебе тюрем, как раньше – гуманизм торжествует. Лишили инфраструктуры, долголетия и финансов – и всё. Живи, как сумеешь.

Степаныч переключился на себя, похлестал веником бока и грудь.

– Тебя не угнетает такая зависимость от ИБЧ? – вдруг спросил он. – В нём считай вся жизнь твоя – деньги, здоровье, социальный статус.

– Не угнетает. За всё надо платить.

– Сколько ещё?

– Двадцать семь лет.

– Выплатишь, и на пенсию.

– Да. Но зато у меня есть всё: образование, дом, ичебик с внушительным ресурсом. И как ты говоришь впереди здоровая и счастливая старость.

– Всё, кроме семьи.

– А, – махнул Андрей рукой, – пустое.

Он поднялся и вышел из парилки. Настроение пропало. У служивого-то семья была, да только где она сейчас?

– Есть вести от Веры? – спросил он.

– Неа, – Степаныч отвернулся.

Андрею стало стыдно – нарочно задел за больное, хотя Степаныч весь вечер старательно обходил тему стороной.

– Четыре запроса. И ни одного ответа.

– Может, она всё-таки в промзоне? На заводах бардака хватает. Лежат твои запросы под грудой инструкций и планов.

Степаныч сжал кулаки, шумно задышал и покачал головой:

– Что за чёрная дыра, эта Пустошь, будь она проклята!

Схватил веник, ушёл в парную, и долго хлестался им и лил воду. Андрей молчал, клял себя за злой язык. Минут через двадцать служивый вернулся в добродушном расположении духа и растянулся на кушетке рядом.

– Маруся, музыку.

Заиграла приятная мелодия.

– Говорят, Андрюх, женщины, у которых прописанный геном, настоящие сирены.

– У меня координатор в министерстве – женщина с прописанным геномом. Только я никогда ее не видел. И не слышал.

– Даже по галофону?

– Даже по нему. В регламенте чётко указана односторонняя связь. Лет семь как координирует, а необходимости в прямом контакте так ни разу и не возникло. Ну как в прямом, по галофону. В текстовом режиме – инструкции-отчёт. Вот и думай, то ли слишком хорошо работаешь, то ли там дела нет до того, кто на местах сидит. А может и не женщина она вовсе, а так всё это, слухи.

Степаныч мечтательно улыбнулся:

– Увидеть бы хоть раз. Мне-то уж не грозит. А ты, если встретишь – не позволяй в глаза смотреть. И сам не смотри. Пропадё-ёшь!

Андрей лежал на кровати, глядел в потолок и слушал тишину. Он не дал дому имя, внешность и голос, не хотел очеловечивать. В этом тщательно продуманном, с любовью спланированном пространстве есть место только для одного человека.

Воскресное приключение удалось на славу, и, кажется, без последствий. Он с трудом дотерпел, когда распрощается со Степанычем и сядет в такси. Ичебик заработал сразу же, как замкнулся магнитный замок на запястье. Кожу защипало от вводимого коктейля препаратов, и вскоре наступило обыч-

ное состояние поднятого тонуса и умиротворения.

Обычное, да необычное. Фоном разливалась нега – распятое в бане тело благодарно впало в безмятежную неподвижность. Он чувствовал себя отдохнувшим, как после недельного отпуска, в котором не был уже лет пять. Разговор со Степанычем навязчиво витал где-то рядом:

– Небожители, – говорил он. – И здоровья века на три, и ум, и красота, и деньги, и власть. Хотел бы попасть в эту касту?

– Кто ж не хотел бы, – отвечал Андрей. – Только предки мои поколений пять-шесть назад не такими зубастыми оказались, как предки этих, кастовых. Не смогли большой кусок отгрызть... Но спасибо и на том, что имеем, как говорится. А то ведь мог бы жить в промзоне, дышать через респиратор, закидываться нейтрализаторами, и работать только ради того, чтоб не сдохнуть... Про Пустошь вообще промолчу.

Прозвучал мелодичный сигнал о пришедшем сообщении. Андрей нехотя поднялся и, не включая свет, в полумраке неоновых огней улицы прошёл в кабинет. Рабочая поверхность стола-клавиатуры едва светилась в спящем режиме. Лишь сигнал почты мигал красным, извещая о важности письма.

Андрей коснулся иконки почтового ящика. Строчка вспыхнула в темноте голубой голограммой: «Направление на инспекцию. Задача: проверка планового потребления препаратов «метанозин», «летосицил», «наторецил»

с 15.11.2251г. по 18.11.2251г. (время на дорогу 20 часов включено). Срок сдачи отчёта 20.11.2251г. Подтвердите получение. Ордынко Е.Н.»

Андрей сел в кресло и запустил рабочую панель. Над столом закутилась голограмма тройного ромба Инспекции Министерства здравоохранения. Он подтвердил получение письма, активировал почту на входящую корреспонденцию. Через секунду алым загорелась информация о пополнении счёта на ичебике – пришли командировочные. Следом – о брони на гостиницу. Затем – сообщение о заказе такси на четыре утра. И последним – пароль-доступ к рабочему файлу, содержащему информацию о медицинском учреждении, куда его командировали с инспекцией: схемы расположения здания с архивом записей с камер за последние полгода, списки и характеристики сотрудников, пациентов, их больничные карты и прочие данные для обычной проверки. Далеко в этот раз, на самой границе с промзоной. А за ней – Пустошь.

Внезапно раздался тихий зуммер входящего звонка галофона. Вспыхнули синим три ромба Инспекции. По первым цифрам номера Андрей определил руководство. Удивился и принял звонок прежде, чем успел подумать.

– Здравствуйте, Андрей Андреевич. Это Ордынко.

– Да, Елена Николаевна, – сердце замерло от приятного грудного голоса на пару секунд и зачастило.

– Прошу вас по возвращении из командировки сразу свя-

заться со мной.

– Что-то серьёзное?

– Надеюсь, нет. Но это первый случай отклонений от плановых показателей за последние семь лет в нашем округе. Пожалуйста, будьте бдительны. Это граница с промзоной. По возможности исключите контакты с больными. И с... людьми из Пустоши.

– Хорошо.

– И в случае любого несоответствия протоколу, сообщайте немедленно.

– Конечно.

– Доброй ночи.

– Доброй.

Андрей замер. Это будет памятный вечер. Впервые он услышал голос координатора. Нежный и такой глубокий. Впервые координатор лично попросила быть бдительным. Впервые ему дали знать, что его работа важна.

Нестерпимо захотелось ознакомиться с материалами о клинике прямо сейчас. Какие отклонения они обнаружили? Но время близилось к полуночи. Спать оставалось меньше четырёх часов. Андрей выключил панель. Впереди десять часов дороги на изучение материалов, успеет. Он лёг.

Отзвук приятного голоса Ордынко Е.Н. ещё чудился, щекотал воображение. Сирена, говоришь? – вспомнился ему разговор со Степанычем. – Может быть. Может быть... Что такого они там накопили, чтоб вот так, лично? Да ещё и

«будьте бдительны».

Вечер оказался насыщенным на события. Чувствуя, что не сможет заснуть, он вызвал меню браслета, задал дозу снотворного и через несколько минут погрузился в сон.

С тех пор как подобные клиники сняли с хозрасчёта, забрали «власть» у главврачей и поставили в управляющие федеральных экономистов, порядка стало больше. Объёмы финансирования завязали напрямую с показателями работы, основным из которых стала «прозрачность» хозяйственной деятельности. Высокие зарплаты, льготы при покупке образования, доступ к ичебикам высшей категории, то есть благосостояние и долголетие – зависели теперь от того, насколько больницы соблюдали требования государства к использованию препаратов. Назначенные управляющие рыли носом землю в поисках любых проколов со стороны медицины, дабы известить, уничтожить на корню, не допустить отклонений от разрешённого законом маршрута даже в мыслях медработников. С ними было легко.

Глеб Сергеевич отличался от них тем, что лгал. Андрей понял это сразу – по испуганному в первые секунды взгляду, по слегка дрожащим пальцам, отдающим неведомые внутренние распоряжения через незарегистрированный в Инспекции галофон (иначе для чего их два на рабочем столе?), по суетливому желанию угодить, а значит что-то скрыть.

Они начали обход с пятого этажа, и шли уже по третьему.

Индивидуальные терапевтические места, оснащенные системами управления жизнеобеспечения, не новые, но рабочие, были забиты под завязку. Андрей, помня о предостережении Ордынко, исключил контакты с изувеченными промзоной людьми, бегло осматривал через защитное стекло «камеры» больных размером в три квадратных метра, останавливался у тех, в чьих назначениях значились инспектируемые препараты, увеличивал голограмму больничной карты, сверял с данными из файла: маркировки оборудования, диагноз, назначение, дозировки, отчёты о состоянии. Пока всё выглядело хорошо.

Но где-то в этом тщательно задокументированном порядке была брешь. Где-то принимался запрещённый законом излишек людей и утекали препараты. Те самые, те самые, которые разрешены, да! По отдельности. А в совокупности применяются при восстановительном периоде после операций, на которые у этой клиники лицензии нет и быть не может. Операций, которые приводят к появлению Георгов.

– Время – обед, Андрей Андреич, – управляющий заметно нервничал. – Вы с дороги. Может, в столовую, пока горячее? А потом продолжим осмотр. Там и Евгений Петрович освободится. Я в медицине, сами понимаете... Не мой профиль.

Открытая улыбка Глеба Сергеевича могла бы и, пожалуй, должна была вызывать доверие и расположение. Простодушный холёный увалень под сорок, со светлыми кудря-

ми и взглядом наивного подростка, верящего в сказки. Под халатом дорогая одноразовая рубашка, из-под манжета выглядывает браслет, всего на сантиметр, но и по нему понятно, что ресурс у него дай бог каждому. Чей-то сын, пристроенный на тёплое местечко. Образование – государственное и муниципальное управление, заточенное на перспективнейшую отрасль, брак по расчёту родителя, двое детей из пробирки и наверняка со встроенными генами будущих гениев; жизнь, как и секс, по расчёту; переполненная благополучием чаша. Всё это стоит очень дорого. Дороже высокой зарплаты управляющего, до которой Андрею, инспектору с более чем двадцатилетним стажем, никогда не дослужиться. И то, что Глеб Сергеевич пытается скрыть, наверняка хорошо проплачено. Но разве мог он подумать, что когда-нибудь придётся вот так выкручиваться, отрабатывать.

– Можно и пообедать.

Глеб Сергеевич с облегчением выдохнул и широко улыбнулся.

– Вот и отлично! Пойдёмте. Для персонала наши повара готовят отдельно. Не ресторан, конечно, но свежее.

Обед прошёл напряжённо. Глеб Сергеевич тщетно пытался разговорить строгого инспектора. Андрей отвечал односложно и с интересом наблюдал потуги управляющего задобрить его и потянуть время. Что давало это время? Какую фору? Чего ждал?

Второй этаж так же соответствовал нормам, как и три

верхних, которые они уже обошли. Глеб Сергеевич посреди длинного коридора получил сообщение по галофону, с облегчением выдохнул и расслабился. «Дождался-таки», – подумал Андрей. «Ну и хорошо. Быстрее всё прояснится».

Спускаясь по лестнице со второго этажа на первый, он глянул в окно лестничного пролёта. Как и у всех подобных зданий, оно выходило на задний двор, в котором тоже не было ничего примечательного, разве что забор, обнесённый колючей проволокой, за которым тянулись очистительные сооружения, за ними – промзона, а за ней кончалась жизнь. Пустошь. Совсем близко.

Вдруг глаз выхватил хорошо заметную свежую тропу от здания к забору, прямо по газону. Прошли не один-два, а человек десять или больше – от обильных осенних дождей землю под жидким газоном размыло и те, кто шли, наверняка набрали полные туфли. Тянулась тропа прямо от пролёта, где стоял Андрей. По плану здесь должен быть запасной выход, закрытый, ключ от которого только у персонала. А зачем персоналу ходить через запасной выход в большом количестве до забора, границы с промзоной? Андрей спустился на первый этаж и упёрся в стену. Там, где должна была быть дверь запасного выхода в тамбур, а в тамбуре – одна в подвал, а другая – на улицу, он увидел глухую стену.

– А где?.. – невольно вырвалось у него

– Что? – подоспел Глеб Сергеевич. – А-а! Вы про выход, – неуместно хохотнул он, – так его заложили давно.

– Давно? – Андрей внимательно осмотрел стену. Она сияла чистотой и новизной. Если её и заложили, то не давно, а совсем недавно. Он готов был биться об заклад, что прошло не больше часа – такой свежеекрашенной и новенькой она выглядела. Воздух был еще влажным, и слабый запах краски еще витал, не смотря на открытые форточки. Этого-то, похоже, управляющий и ждал.

Андрей повернулся, хлопнув мимоходом по стене ладонью. Послышался пустой звук – так и есть – лёгкие материалы, а за ними пустое пространство. Он вернул Глебу Сергеевичу простодушную улыбку:

– Надеюсь, разрешение есть? По требованиям на такое здание положено иметь два запасных выхода.

– Д-да, конечно! Да у нас даже три запасных выхода, – заторопился управляющий. – Лет семь назад, ещё до моего назначения, проводили реконструкцию и сделали два дополнительных. А этот решили убрать, з-за ненадобности. Так что никаких нарушений. Просто мы ещё не дошли... Пойдёмте.

Глеб Сергеевич поспешил вперёд, показывая дорогу.

Действительно, на торцах здания были сделаны два выхода, один из которых вёл на площадку для прогулок, другой – в лабораторию. Третий запасной выход, такой же, как и заложенный первый, только в другом конце здания, был просто закрыт на ключ, а ключ находился на посту охраны, согласно инструкции. Но в тамбуре не было спуска в подвал, как не было и никакой подозрительной тропы, ведущей к границе с

очистными сооружениями. Ничего интересного, как здесь.

Реконструкция, о которой не доложено в Центр, реконструкция с устройством двух дополнительных выходов, которые не отмечены на плане здания – Андрей прекрасно помнил схему этой незамысловатой постройки, – и не просматриваются ни внутренними, ни наружными камерами наблюдения, о которых знают все, кто находится здесь, но не знает никто наверху. Чудеса... Как сказал Глеб Сергеич? До его назначения? А он тут, если быть точным, с две тысячи двести сорок шестого, пять лет. Примерно столько же времени с тех пор, как этот забытый Богом угол присоединили к округу. Кто-то когда-то упустил документы по реконструкции так, что информация в Центр не поступила? Проглядел? Или...

Отклонения от протокола были такие, что не обойдёшь – не объедешь. Это были такие отклонения, что любо-дорого. С такими отклонениями можно смело выходить на прямую связь с координатором – достаточная по всем основаниям причина, чтобы услышать ещё раз чарующий и томящий душу голос, и на этом заканчивать командировку. Почва для группы проверки, которая разберёт всё здесь по камушку, подготовлена. А его задача уже выполнена, хоть прямых подтверждений утечки препаратов он и не нашел.

Из помещений оставались не осмотренными лаборатория и хозяйственные постройки, но он прервал обход и потребовал перейти к медицинским картам.

Евгений Петрович, только что закончивший с операциями, худой и желчный, скупой и отрывисто отвечал на вопросы Андрея. Отпустить бы его – пусть отдыхает человек. Но мысль о том, что с трудом сдерживаемое раздражение связано с тайной управляющего, возвращала Андрея к протоколу инспекции, и он продолжал. Шёл десятый час вечера, когда он вызвал такси и позволил потухшему управляющему и осатаневшему от усталости и злости главврачу уйти по домам. Он так измотал их бесчисленными вопросами и объяснениями, что они даже не поинтересовались результатами проверки, уверенные, что это ещё не конец. Быстро пожали руку и унеслись на электромобилях в гущу далёких городских огней.

К чему Андрей и стремился.

Несмотря на долгий путь и проведенный на ногах день, усталость не приходила – ичебик в особом режиме добавлял и добавлял бодрости. Сейчас Андрей чувствовал себя гончей, напавшей на след.

Он снова надел халат, прямо поверх куртки, и обошёл здание. Моросило мелкой водяной пылью, ноябрьский ветер быстро выстудил тепло из одежды. Он основательно продрог, пока добрался до заложенного запасного выхода. Здесь следы новодела проступали настолько явно, что отпали последние сомнения – выход закладывали скоро, перед его приездом и управляющий тянул время, чтобы избавиться от доказательств.

– Дядя! – услышал он вдруг тихий детский голос и увидел в темноте маленькую фигуру. Оказалось, задумавшись, он проделал путь по натопанной тропинке до забора, за которым среди голого кустарника притаился ребёнок. Ребёнок из промзоны? Или из Пустоши? По спине пробежал мороз.

– Ты чего здесь? – вполголоса спросил он.

– Дядя доктор, пойдёте со мной, пожалуйста. Мамка умирает. Пожалуйста! – голос ребёнка дрожал от слёз – Я вам подпишу, что скажете. Я умею. Правда.

Андрей оглянулся. В зданиях клиники погасли огни. Приглушённо мерцали лишь окна коридоров и сестринских. Территория освещалась ярко, но не там, где он стоял. И камерами этот угол не просматривался. Его бил озноб – пойдёшь разбери то ли от промозлого ветра, то ли от нервов. Выйти за границы города? Допустить прямой контакт с больной из промзоны? А вдруг нет никакой больной и это ловушка? Хоть и чебик и персональный, но мало ли... Это в городских джунглях, среди себе подобных он служил надёжным заслоном от множества невзгод: болезней, холода и нищеты. А здесь... Здесь вполне мог стать объектом добычи – оперативный, хоть и ограниченный, запас гормонов и лекарств почти на все случаи жизни для людей, лишенных медицины может оказаться дороже золота.

Маленькая тень отделилась от кустов, детская холодная рука взяла его за два пальца и потянула за собой.

– Тут колючая проволока, – прохрипел он пересохшим

горлом.

– Есть проход, – прошептал мальчик. – Пригнись.

Он шагнул за пацаном, наклонился, зацепился за что-то острое, рванулся, в полуприсяде проковылял несколько шагов и очутился по ту сторону забора.

Впервые с тех пор, как отец торжественно надел ему на руку первый браслет, он вышел за пределы мегаполиса. Рубашка прилипла к липкой от холодного пота спине. Цепкая холодная ручка тянула за собой.

– Пошли, дядя! – шептал мальчик. – Пошли, пожалуйста!

Острым жалом засело в животе это «пошли». А ведь нежный голос Ордынко предупреждал... Что там сказал малец? «Подпишу... я умею»... Какие такие договоры он умеет подписывать?

И сам не заметил, как углубился в кусты.

– Возьмите, – мальчик протянул ему респиратор, когда они миновали очистные и вошли в промзону. Горло перестало першить – хоть и потрёпанная, маска немного защищала. Мальчишка резво шёл вдоль слабоосвещённых заборов и бубнил глухо: «Быстрее, дядя. Здесь короче. Не дыши. Уже скоро». Только когда они выбрались, Андрей сообразил, что пацан зажимал рот и нос рукавом. Он чертыхнулся, сорвал с лица респиратор и отдал мальчишке. Но уже вышли на просеку, за которой чернела лесополоса. А за ней – Пустошь.

Окончательно стемнело. Косматое от туч небо, чёрные ку-

сты, корни и кочки под ногами, непроглядный мрак. Андрей слепо шёл за мальчиком, спотыкался. Ботинки промокли, как и он весь. Привычный тонус пропал. Андрея трясло от холода, усталость сковала по рукам и ногам, он едва представлял ноги. Мальчик же уверенно тянул его за собой, повторял: «Сейчас, дядя. Уже скоро. Скоро придём».

В посёлке кое-где слабо светились окна. Пока ничего особо страшного с ним не произошло. Он отвлёкся от мучивших его терзаний и сосредоточился на том, чтобы не упасть в хлюпавшую под ногами грязь.

Вскоре они вышли к одноэтажному строению непонятной формы и размеров. Ему пришлось наклониться, чтобы войти в низкую дверь. Пахло жаром и какой-то тухлятиной. Пацан проворно чиркнул спичками, поджёг лампу. Одной рукой освещая путь лампой, второй держа его за руку, провёл по узкому коридору в маленькую комнату. Андрей задохнулся от спёртого воздуха и давящих закопчённых стен. Женщина лежала на чём-то, похожем на кровать. Андрей определил про себя, как топчан.

– Давно мамка слегла? – он потрогал пылающий лоб. Сколько ей лет? Пятьдесят?

– Уж неделю как.

– В посёлке есть врач?

Он пощупал пульс. Женщина повернула лицо, с трудом открыла глаза, и тут же закрыла. Нет, пожалуй, худоба и болезнь сильно старит ее.

– Тётя Аня. Только она уехала в Иреть и её не будет ещё долго. Там эпидемия. А мамке хуже стало.

– Отец где? – Андрей тут же спохватился – чёрт его знает, как они тут живут, может, и нет никакого отца.

– Нету, – так и есть. Андрей с досады прикусил губу.

– Ты один?

Он кивнул.

– Аптека какая-нибудь у вас здесь есть? Где лекарства берете?

– Тётя Аня только даёт. И доктора из клиники, но только взамен на договор.

– Какой договор?

Он пожал плечами.

– Мамка научила подписать имя на договоре, если вдруг помрёт. Сказала, что мне дадут еду и поселят в комнате. Только мне не надо. Спасите мамку, дядя. Я подпишу.

Женщина металась в бреду и хрипела. Если неделя, как заболела, возможно, пневмония, а может и давно забытый туберкулёз, который давно не диагностируется в мегаполисах. Да чёрт! Это может быть что угодно! Хоть у него и медицинское образование, он же не практикует! Ставить диагноз вот так, без анализов, без медицинской карты – всё равно что... О чём он думал, когда шёл сюда!

Малец захлюпал носом. Андрей строго посмотрел на него:

– Вода есть? Поставь чайник.

Пацан ушёл, вытирая рукавом слезы.

Андрей, сжимаясь от беспомощности и страха, прислушивался к тяжёлому хриплому дыханию больной и к стуку собственного сердца. Он, государственный служащий, положивший двадцать пять лет служению медицине, всегда считал себя главным винтиком этой государственной машины, что обеспечивала здоровье нации. Миллионов людей. И теперь, вот тут, на краю света, оказывается, не в состоянии помочь одному больному человеку, больному не смертельной пока эмбертой, а какой-то элементарной пневмонией, которая лечится одним уколом и недельным постельным режимом. И, тем не менее, убийственной без этого одного укола. Один укол! Всего один! Где его взять? Его взгляд остановился на собственном запястье, которое даже не чувствовало браслета. Внезапная мысль, дикая, невозможная сжала внутренности, сердце трусливо задохнулось – но это же... а как же двадцать пять лет безупречной репутации? Что будет с его послужным списком, льготами, статусом, выплатами, домом? Чем это может закончиться? Увольнением?

«По возможности исключите контакты ...» – некстати вспомнился мелодичный голос Ордынко. А так ли некстати? Вот это «по возможности» – это почему? О чём? Она будто знала, что он непременно столкнётся с людьми из Пустоши.

Стало тошно от самого себя. От собственной нерешительности, слабости и трусости. Женщина вдруг открыла глаза и тяжело закашляла, повернувшись набок и подтянув к животу колени, глянула на него, вцепилась в руку и прохрипела

сквозь душившие позывы:

– Андрюшку спаси. Возьми меня на органы, у меня почки хорошие и сердце. Его не брось.

Андрюшка, значит. А он даже не спросил. На органы?! К чёрту!

Он выдохнул, быстро расстегнул браслет, надел ей на руку и застегнул, закрывая пальцем магнитный замок. Всё! Теперь нужно немного времени, чтобы ичебик сделал исходную диагностику и определил дозы первой медицинской помощи.

Разбирательства всё равно не избежать. О его выходе за пределы мегаполиса уже известно, вопрос только в том, когда эти данные считают. Они прошли километров десять-двенадцать, возможно. Это много. Для браслета это очень много! От следующей мысли он поднял голову и гоготнул. Как это он забыл об этом? Как не пришло в голову еще тогда, на выходе за пределы больницы? Маленький радиус действия был единственным недостатком браслетов – до трех километров. В мегаполисах об этом не думаешь, потому что они прошиты точками входа. Нет такого места, где бы ни стояли датчики, считывающие данные. Но не здесь. У него мощный ИБЧ – радиусом до пяти километров. Мощней только у военных и небожителей. А это значит, что он потерян сейчас для Ордынко Е.Н., он пропал из поля зрения всех радаров. Для государства он растворился, исчез! Андрей опьянел от внезапно свалившейся на него свободы.

Впервые с тех пор, как отец торжественно надел ему на руку первый браслет, он почувствовал себя легко. Впервые за ним никто не наблюдал. Конечно, все данные браслет передаст, как только появится в поле датчика. Конечно, прекрасная небожительница Ордынко Е.Н. и служба безопасности увидят резкий скачок инъекций жизненно важных препаратов – жаропонижающих, гормонов, антибиотиков и всего прочего, разрешённых в расширенных дозах на период командировки. Конечно, считают не его группу крови и ДНК. Конечно, будут вопросы, придётся писать объяснительную, и оправдываться за несанкционированное использование браслета. Но сейчас свобода кружила голову, и он улыбался ей. Какое там наказание за это по внутреннему регламенту? Он не помнил. Да что там – не знал! Потому что никогда в жизни ни разу его не нарушил.

А может, и не придётся ничего объяснять?

Женщина перестала кашлять и задышала ровнее. Он помог ей лечь удобней, поправил подушку под головой, подоткнул одеяло. Жар спадал. Если верить информационной голограмме ичебика оставалась пара минут до окончания ввода препаратов.

– Андрюх, неси чайник!

Послышались шаги. Мальчишка притащил бурлящий кипятком чайник, держа двумя руками за перемотанную грязной тряпкой ручку, с грохотом поставил на стол и, зашипев, схватился за уши. Браслет пискнул, сигналив об окончании

ввода инъекций. Андрей снял его и, держа двумя пальцами за ремешок, опустил в чайник, прямо в кипяток. Глянул на мальчишку и радостно хохотнул.

– Поправится мамка твоя, не переживай, – через пару минут вынул браслет, обтёр куском простыни. – Ты меня только назад отведи, Андрюх, а то, сам понимаешь, я дороги не знаю.

Малец застенчиво улыбнулся и порывисто обнял.

Андрей возвращался домой.

Такси перешло на пневмоподушку и несло по автобану, неумолимо приближая к отчёту.

Лихорадило сильно. Ночная прогулка не прошла даром. Без браслета он сразу сделался больным и старым. Он простыл, поднялась температура. Кости ломило, горло саднило, голова гудела, а грудь внутри жгло. Впервые в жизни он по-настоящему заболел. Следовало податься на уговоры Евгения Петровича и взять с собой жаропонижающее. Но «договоры», которые подписывали люди из Пустоши, сидели в мозгу раскалённой занозой. Чем бы они там ни занимались, это было подпольно, незаконно. Опыты над людьми? Торговля органами? Брать у них хоть что-то, пусть даже аспирин, было невозможно гадко. Глеб Сергеевич настаивал на оформлении краткосрочного ИБЧ. Но это время. Время! Андрею вдруг показалось, что эти двое всеми силами стремятся остановить его, задержать. Хотя, вполне возможно,

что от нездоровья и недосыпа у него возникла паранойя.

Мимо пронёсился мегаполис, заборы, отделяющие очистные, промзону, а за ними, на линии горизонта – Пустошь. Он немного успокоился по поводу браслета. Ордынко Е.Н., когда он связался с ней по галофону клиники, казалось, вздохнула с облегчением, выслушала краткое сообщение о неисправности ИБЧ и распорядилась немедленно возвращаться. А может, ему почудилось это облегчение в её голосе? Может ему сильно хотелось его услышать, хотелось, чтобы координатор хоть немного думала о нём, хоть чуть-чуть, хоть на секунду поволновалась?

Кипяток уничтожил все данные. И даже если не уничтожил. Он спас жизнь, разве за это увольняют? Добавят стоимость браслета к долгу, и придётся ему не двадцать семь лет его выплачивать, а тридцать пять. Ничего страшного. Зато он везёт им бомбу! Впервые за последние пару десятков лет в идеально работающем организме Инспекции вскрылся смачный чирей. И вскрыл его именно он. Именно он доказал, что всё в этом организме создано правильно, всё работает так, как и заложили создатели. В сравнении с этим поломка ичебика – ерунда, пустяк.

Дома Андрей принял просроченные онобиотики. Других не оказалось, а от одной мысли вызывать на дом фармацевта бросало в дрожь. Он долго смывал с себя неприятный осадок командировки, сдирал жёстким мочалом гадостное

чувство незавершённости, неудовлетворённости собой, своей жизнью, каким-то образом поселившееся в нём... он даже не понял когда, но где-то на пути из клиники до дома, в такси.

И ведь, казалось бы, что изменилось? Он все тот же инспектор, который профессионально выполняет свою работу, тот же винтик, без которого машина здравоохранения в стране начнет барахлить. Он был в этом уверен. Раньше. Но сейчас червь сомнений заставлял его снова и снова драть мочалом покрасневшую кожу и выкручивать на максимум кипятилок. В том и беда, что он всегда был уверен во всем – что устройство мира за последние пару столетий выровнялось и стало, наконец, адекватным, разумным. Что опыты по соединению человека с роботом непозволительны. Что преступникам место в Пустоши.

Андрюшка сломал эту стройную картину мироздания. Как теперь ему жить долго и счастливо, зная, что где-то то там в Пустоши есть пацан, готовый подписаться под «договором» за жизнь матери? На кой черт тогда нужен этот проклятый ичебик?!

Натянув халат, он прошёл в кабинет и сел за стол. От вида рабочей панели немного полегчало, его стало клонить в сон. Хотелось скорей сделать отчёт и отвязаться от всей этой истории, лечь спать. А после – взять, наконец, отпуск и махнуть в горы. Посидеть в горячих источниках среди нетающих снегов, может даже скатиться с горы на сноуборде – риск, го-

ворят, благороднейшее дело! Вдруг поможет забыть про все это.

Андрей уже заканчивал отчет, когда в его квартире раздался гудок дверного звонка. От неожиданности он замер. Никто, кроме курьеров еды и одежды к нему не приходил вот уже... много лет. Он вывел на обзор камеру парадной, и сердце скакнуло и заколотилось быстрее: у входа в квартиру стояла женщина. Он поспешил, поскользываясь на тёплом мраморе, и распахнул дверь.

«Не позволяй в глаза смотреть»... Поздно!

– Здравствуйте, Андрей Андреевич, – произнесла она, и его обдало жаром – Ордынко!

– Здравствуйте, Елена Николаевна, – едва смог выговорить он.

Она чуть улыбнулась, сделала шаг в квартиру, и он шарахнулся внутрь, окидывая свою берлогу взглядом – всё ли у него в порядке. Однако, даже на его придиричивый к чистоте взгляд, дом был по-холостяцки безупречен.

– Прошу вас. Проходите. Присаживайтесь, – взорвался в нем гостеприимный хозяин. Захотелось угодить гостье, зачем бы она ни пожаловала. Он вдруг понял, что пребывает в одном халате на голое тело. Вновь обдало жаром, он покраснел, тут же разозлился на себя – всё-таки он в своём доме, это она пришла, даже без звонка, без предупреждения... Он не должен и не обязан!...

– Как вы себя чувствуете? Евгений Петрович сказал, что

вы заболели, когда выезжали назад, и не захотели задержаться.

«Евгений Петрович сказал значит?»

– Я звонила в клинику уже после нашего разговора, уточнить кое-что. Вся эта история с ИБЧ... Вы в порядке?

– Д-да. Теперь уже в порядке... Хотите чаю? – перед ним стояла прекраснейшая женщина, та самая, созданная ювелиром-генетиком, легендарным Михачевским, небожительница, увидеть в живую которую такому простому смертному, как он... едва ли... хоть раз... Она была здесь, в его квартире, в шаге от него... излучала молодость и изящество каждой своей... говорила с ним, озаряла его убогое, как теперь ему казалось...

– Да, пожалуй, – улыбнулась она, прошла к единственному креслу у панорамного окна и села. Аромат горьковатых духов заполнил помещение, но в этот раз Андрей был не против.

– А может, вина? – вдруг осмелел он. Когда-то Степаныч подарил ему бутылку «трофейного» из коллекции какого-то француза. Вот и для него представился подходящий случай. Не дожидаясь ответа, он достал бокалы и, ругая себя за излишнюю суетливость и неуклюжесть, с которой не мог совладать, открыл вино. Елена Николаевна молча наблюдала за ним, отчего его бросало то в жар, то пробирало до дрожи. Зачем она пришла? Впрочем, разве это важно? Она была здесь, сейчас, и это было самое прекрасное событие в его серой раз-

меренной и невыносимо пресной жизни. Он протянул ей бокал, она взяла, и едва пригубила. Он устроился напротив, на кухонный табурет, и чувствуя себя полным идиотом в этом всё время распахивающимся халате, пытался вспомнить, о чём говорят мужчины с красивыми женщинами.

– Расскажите, что произошло в... Что случилось с вашим браслетом?

Он вспомнил, что она не просто так здесь, а координатор, и кому как не ей в первую очередь он должен рассказать об открытиях, что сделал в клинике. Он выпил залпом вино и рассказал. И про поведение Глеба Сергеевича, и про заложенный запасной выход, и про новых два, которых нет на схеме здания, и про тропу. Умолчал лишь о ночных подвигах, которые теперь казались ему в высшей степени глупостями. Она слушала будто бы отстранённо, глядя в окно на огни ночного города. И хорошо, так как он мог рассмотреть ее. Она была совершенна. Естественная, безупречная красота, созданная великим мастером. Каждая мелочь, будь то тонкие пальцы с простым маникюром, или мочка уха с маленькой серёжкой, выглядывающая из-под волос, обычных, русых, не окрашенных, ни уложенных, но блестящих, плавные изгибы лодыжек, спрятанные в ботильонах. Слишком легко одета для конца ноября – всего лишь строгое платье и небрежно накинутая вуаль шейного платка. Конечно, на служебном приехала, или на личном. Но выглядела так, будто спешила, не хотела тратить время на то, чтобы надевать

пальто. А может, на то, чтобы его снимать? Голова шла кругом. Рассудок говорил, что она здесь исключительно по долгу службы. Но внутри он трепетал от того, что видел, пылал.

– Так что же случилось с вашим ичебиком?

Он пожал плечами.

– Видимо, застёжка расстегнулась, когда по тропе ходил. Обнаружил, что его нет, уже в гостинице. Только наутро нашёл, у стены, всю ночь в луже пролежал. Промок, наверное. Техники разберутся.

Он даже сам поразился тому, как естественно солгал. Они не смогут проверить, потому что камеры не смотрят в том направлении. Не был он за пределами мегаполиса. Не был и всё! Не докажете!

– Вы уже сдали его в сервис?

– Нет, не успел. Я же только приехал.

– Вы можете отдать его мне, я отнесу. А вам нужен отдых.

Вы написали отчёт?

– Как раз этим занимался.

Она грациозно встала с кресла, сделала несколько шагов и оказалась прямо перед ним.

Прохладная рука легла ему на лоб. Он закрыл глаза. Голова кружилась сильнее, аромат духов пьянил. Безумно хотелось прижать её к себе и держать, не отпускать.

– У вас жар. Вам нужно немедленно к врачу! О чём вы думаете?

– Кто чар её не избежал, отныне знает счастье,

Кто пылью лёг у милых ног, душой впивает счастье.

Измучит, станет обижать, но ты не будь в обиде:

Всё, что подобная луне нам посылает, – счастье!²

Он вдруг почувствовал резкую слабость и в следующий миг провалился в темноту.

– Так это она тебя вырубила?

– Нет. Я сам. Простуда, горячий душ, просроченные антибиотики и вино. Доктор сказал, что наши изнеженные ичебиками организмы не предназначены для таких перегрузок.

– Тут я с ним соглашусь. Надолго ты отключился?

– Пришёл в себя в «скорой», часа через два. Она вызвала.

– Скорая ехала два часа? – Степаныч недоверчиво покачал головой.

– Нет, скорая приехала как всегда, минут через десять-пятнадцать. Я спрашивал.

– Ммм...

– Да. Пока я был без сознания, произошло много интересных вещей. Правда, я всё это выяснил потом.

– Каких?

– Прежде всего, я, находясь в отключке, отправил отчёт о командировке. И в нём ни слова о том, что я обнаружил в клинике. Наоборот. Судя по всему – прекрасная клиника, которая работает согласно выданным лицензиям, приносит большую пользу, так как находится в горячей точке и про-

² Омар Хаям

пускает через себя большой поток больных, имеющих профзаболевания промзоны. Никаких нарушений, никаких лишних входов и замурованных выходов. Никаких троп. Управляющий прекрасно справляется с экономикой и хозяйством, а главврач с объёмом операций.

– Но... Это же можно проверить.

– Что?

– Ну, входы-выходы, например.

– Они заложили запасной выход, пока я осматривал три этажа здания и обедал. Уверен, что уже к моему возвращению домой всё вернули согласно плану здания. И подвал, в котором проводились незаконные операции, который скрыли от меня, заложив запасной выход, и, больничные места – все убрали.

– Допустим. Но что-то же должно найтись. Куда-то же уходят препараты.

– Должно, если искать. А тут концы в воду.

– Погоди-погоди. Ты хочешь сказать, что барышня с ними заодно?

Андрей вздохнул.

– То есть, она, рискует своим статусом и прикрывает их? – продолжал допытываться Степаныч.

– А чем она рискует? Её не осталось ни на квартирных датчиках, ни на лестничных и домовых камерах. Ни звонков, ни переписки, ни разговора. Ничего этого, согласно источникам данных, не было. Ни нарушений, ни Ордынко. А бы-

ла плановая командировка, стандартная проверка, которая ничего подозрительного не выявила. Браслет и тот отдали в прежнем виде с заключением, что исправен. И даже есть данные с него вплоть до моего приезда в квартиру из клиники: пульс ровный, гормоны в норме, температура тела – хоть в космос. А я неделю провалялся!

Степаныч присвистнул.

– Да у них длинные руки... Как же они допустили утечку информации?

Андрей пожал плечами.

Степаныч долго молчал.

– Так, может, и ничего, а? Может, зря ты поспешил? Назначение опять же. Я не знаю, как у вас там по выслуге. Но, мне кажется, ты засиделся в рядовых инспекторах. Не? Может, это как раз шанс двинуть вперёд? А ты собственными руками...

– Вперёд? Степаныч! Зав обеспечением питания детских лечебных и оздоровительных учреждений! Ты шутишь?

– Ну по стране ж. Ответственная должность. И зарплата, наверное, другая, и возможности. Тёплое местечко.

Андрей покачал головой:

– Вот именно. Меня хотят заткнуть, купить. И так понятно, – взбреди мне в голову открыть рот, это выглядело бы как бред психа. Хрен его знает, что у них там. Ордынко семь лет как координатор, примерно семь лет назад в клинике провели реконструкцию, о которой никто ничего не знал. И за

семь лет ни одного мало-мальски значимого нарушения. Что там за «договоры» они с населением подписывают? Какие опыты проводят? Георгов мастерят или что похуже? И если предположить, а, так оно и есть, что Ордынко – типичный представитель касты, как ты говоришь, то получается – всё, что происходит в клинике – с их знания и величайшего соизволения. Незаконно, понимаешь?! – он помотал головой. – Если они уничтожили любое свидетельство её присутствия в моей квартире, то речь там о чём-то очень серьёзном, глобальном. И чёрт их знает, чего они от меня захотят на новой должности! Нет. Я не хочу в этом участвовать!

Они надели противогазы и дальше шли молча, пока не миновали заборы промзоны и широкую, с километр, просеку, пока не подошли к обвалившемуся местами бетонному забору, с выгрызенными временем дырами. Только тогда сняли защиту, отдышались.

Ржавые лохмотья ворот, державшиеся на заботливо прикрученной кем-то проволоке, напоминали о тех временах, когда от жителей Пустоши отгораживались бетоном и железом, пока не внесли поправки в Уголовный кодекс, лишавший идентификационного биочипа практически при любом нарушении закона, и тем самым постепенно вычистили всех неугодных государству людей в отработанные промзонах земли – Пустошь, без возможности вернуться.

Безжизненные поля сколько хватало глаз с серой лесополосой на горизонте, за которой начиналась другая жизнь, о

которой каждый житель мегаполиса молчал и предпочитал не думать, ничего о ней не знать. Где-то там жила и работала дочка Степаныча, Вера. Так же как тётя Аня, как и некоторые, немногие, энтузиасты-волонтёры, которых считали психами.

Они постояли у ворот. Степаныч потянул за проволоку, что удерживала створки. Та не поддавалась. Резко подёргал, раскурочивая узел. Петли отчаянно заскрипели, нарушая царившую тишину, ворота распахнулись, открывая им путь в Пустошь.

Всё всегда в жизни Андрея зависело от кого-то другого: от общества, принятых правил, законов, инструкций, протоколов. Всю жизнь за него решал кто-то сверху, кто-то, кто управлял государством, кому в утробе колбы взрастили гены интеллектуальных гениев, кто рождён был править такими, как он, шурупами, винтиками и шестерёнками. Зачем им Георг, если они уже достигли совершенства? Если непревзойдённый Миленховский может просто сотворить генный коктейль по запросу родителей... Не просто конечно. Всё это очень непросто, иначе любой мог бы сострогать себе Ордынку на счастье в старости. А им – винтикам, шурупам и шестерёнкам – топливо из гормонов и стимуляторов, чтобы дольше работали. И красивую сказку про бессмертие.

Он решительно расстегнул ремешок и снял браслет. Повесил его на ржавый гвоздь на заборе и шагнул в Пустошь. Резерв браслета исчерпан, и толку теперь от него нет. Как

нет больше иллюзий.

Он услышал, как Степаныч идёт следом, давя сапогами хрупкую жухлую траву.

– Куда теперь? – спросил он.

Пока что совместные планы не шли дальше этих ворот. Вырваться из мегаполиса – это было первой задачей. Дальше забора роились бессвязные мысли, которые именно сейчас выстроились в простой, но понятный план. Он решительно шагнул к далекой лесополосе.

– Тебе хватило долги закрыть?

– Да... С учётом всего нажитого барахла вышел в ноль. Будто и не было жизни.

– Я тоже пуст. Ну и хорошо.

– Почему хорошо?

– Чтобы не хотелось вернуться. Когда возвращаться некуда, не думаешь об этом.

– Да, наверное.

Редкие и крупные хлопья снега закружились, возвещая о близкой зиме. Впереди полная неизвестность, но страха не было. Как и сомнений.

– Анрюх, а какая она?

– Кто?

– Ну Ордынко, женщина с прописанным геномом? Красивая?

– Да.

– Расскажи. Ты ж понимаешь, что мне никогда не уви-

деть её или подобную ей. Моя жизнь на исходе. Без ичебика я вряд ли долго протяну. Никто из моих знакомых никогда этих людей в живую не видел. Только по галофону. Никто, кроме тебя...

– Она такая красивая, Степаныч, что в ее присутствии теряет значение всё, что есть в твоей жизни. Кроме неё. Наверное, если бы я верил в Бога, то почувствовал бы то же самое, если увидел его. Это безусловное счастье – находиться рядом с ней. Вот такая она красивая.

– И ты не злишься на неё?

– Нет.

– А хотел бы быть всегда рядом? Просто представь, что это возможно – каждый день просыпаться с этим счастьем в одной постели, жить с ним и засыпать.

– Нет.

– Почему?

Андрей остановился и повернулся к Степанычу. Долго смотрел на прожившего жизнь служивого и думал о своей.

– Ни один человек не заслуживает столько счастья. Хотеть его, стремиться всей душой, познать – это правильно. Испытать один раз – уже предел! Но жить с ним... Нет. Это был бы ад, пойми! Не по-человечески это!

Он задохнулся от порыва ледяного ветра, от накатившего отчаянного желания жить и любить вопреки.

– Найдём Андрюху с матерью для начала. И эту, тётю Аню. А через неё – Веру. А там посмотрим, что это за Пустошь.

2020г.